

От этих слов Лин Шу вспыхнул до корней волос и резко развернулся, собираясь покинуть пещеру. Ян Е, однако, тут же перехватил его за рукав и усмехнулся:

— Куда же ты? Коль начал говорить — выкладывай всё до конца. Давай-ка сегодня разберёмся во всём раз и навсегда. Уж очень хочется послушать, что ещё ты умудришься выдумать.

Лин Шу хмуро бросил:

— Пусти!

Он попытался сбросить чужую руку, но Ян Е и не думал разжимать пальцы. Пользуясь моментом, он перехватил Лин Шу за талию и бесцеремонно прижал к холодному каменному своду. Лин Шу наотмашь ударил его ладонью в плечо. От боли Ян Е болезненно втянул воздух сквозь зубы, но лишь задорно сощурился и прошептал:

— Пока всё не расскажешь — шагу отсюда не сделаешь. Язык проглотил, да? Стало неловко за собственный бред, вот и решил дать дёру?

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Почувствовав, как обжигающе и нежно глядит на него Ян Е, Лин Шу слегка отвернулся и глухо произнёс:

— Что ж, изволь, я скажу. По приказу императора я давно собирал сведения о делах князя Чжао. Твой брат лелеял мысли о мятеже с незапамятных времён. Вы с ним одного поля ягоды, так что ты наверняка обо всём знал и просто валял дурака. Взять хотя бы его первую супругу. Считается, будто она скончалась в тяжёлых родах. Но мы подкупили слуг в Поместье князя Чжао, включая девицу, что прислуживала покойной княгине. Она рассказала, что лекари заранее предупредили князя о неправильном положении плода. Князь Чжао прекрасно знал об этом, но запретил лечить жену и строго-настрого велел челяди держать язык за зубами. Он просто позволил ей умереть. По нашим расчётам, к тому моменту канцлер Вэй Линьсянь уже покинул этот мир. Лишившись столь весомой опоры, несчастная женщина потеряла для князя Чжао всякую ценность, и он хладнокровно избавился от неё. Прекрасный ход перед началом большой игры: так в столице у него не осталось ни заложников-детей, ни жены, способной связать руки.

Ян Е багровел от гнева с каждым словом, а на последней фразе и вовсе сорвался на крик:

— Вот теперь ты точно несёшь несусветную чушь! Брат с невесткой души друг в друге не чаяли! Если кого и винить в её смерти, так это твоего паршивого императора! Вечно ему приспичивало устраивать охоту ни к селу ни к городу. Из-за него невестку вовремя не привезли в усадьбу, из-за него я так и не увидел племянника!

— Я не лгу! — холодно отрезал Лин Шу. — Это слова людей из твоего же поместья. К тому же, начнись у княгини роды, разве стал бы государь насильно удерживать князя Чжао при себе? Твой брат сам не желал возвращаться, чтобы избавиться от улик и выйти сухим из воды! Он,

верно, спал и видел, когда освободится от супружеских уз, дабы и дальше безнаказанно якшаться с Бэйчэнь Цином!

Не дав ему договорить, Ян Е наотмашь влепил Лин Шу звонкую пощёчину.

— Сучий потрох, захлопни пасть! — взревел он. — Можешь клеймить нас изменниками и мятежниками, мне плевать! Но ворошить прах той, кто давно покоится в могиле... Как у тебя только язык поворачивается?!

Разъярённый Лин Шу мёртвой хваткой вцепился ему в горло. Ян Е захрипел от резкой боли, воздух застрял в груди. Он отчаянно попытался перехватить чужие запястья и разжать пальцы, но Лин Шу держал крепко, свирепо навалившись всем телом. Заходясь в удушливом кашле, Ян Е рванулся из последних сил и наконец сбросил его руки.

— Удушить меня вздумал?! — прохрипел он, тяжело дыша. — Прикончишь — и покатишься к какому-нибудь новому хахалю со всей душой? Разбежался, ублюдок, не дождёшься!

Лин Шу лишь презрительно фыркнул. Ян Е, глядя на быстро наливавшийся багрянцем след от пальцев на его щеке, внезапно остыл. Злость улетучилась, уступив место раскаянию. Он виновато улыбнулся и запричитал:

— Ну всё, всё... Бес попутал. Моя вина, не должен я был распускать руки. На, побей меня в ответ.

Ян Е перехватил ладонь Лин Шу и приложил к собственной щеке, легонько хлопнув пару раз.

— Мы едва встретились, зачем тратить бесценное время на чужие дразги? Ну их к лешему. Давай забудем, ладно? Кто там прав, кто виноват — какое нам дело?

И прежде чем Лин Шу успел что-либо возразить, Ян Е накрыл его губы требовательным, жадным поцелуем.

Прижатый к каменной тверди Лин Шу не мог пошевелиться. Из его груди вырвался глухой, протестующий стон, а в устремлённом на любовника взгляде всё ещё читалась неразбавленная ярость. Но Ян Е уже пустил в ход всё своё искушение. Его ласки сделались тягучими, вкрадчивыми и до невозможности нежными. Теряя голову от близости и пьянящего запаха, Ян Е вслепую опустил руку ниже, нащупывая узел чужого пояса.

Пояс, искусно выточенный из пластин тёплого красного нефрита, оказался настоящим шедевром ювелирного дела. Нащупав скрытую застёжку, Ян Е попытался нажать на пружину, но хитрый замок не поддавался. Теряя терпение, он нехотя оторвался от искусанных губ Лин Шу, разглядывая преграду с досадой:

— Да что это за чертовщина у тебя на поясе?

Лин Шу, тяжело дыша, прислонился к стене. Его лицо пылало, но он хранил молчание, безучастно наблюдая за тщетными усилиями Ян Е. Подумать только: великий соблазнитель, прославленный маркиз Хуайнань, знавший толк во всех плотских утехах, спасовал перед какой-то застёжкой! Распалаясь от нетерпения и уязвлённого самолюбия, Ян Е окончательно вышел из себя:

— Ты ведь издеваешься надо мной, да? Нарочно её нацепил! Твою мать, готов поспорить, это твой паршивый император придумал такую пакость! Решил, что паршивый кусок нефрита остановит меня? Хрен ему по всей морде!

Недолго думая, он вцепился в ворот чужого одеяния и рванул его на себя. Ткань с треском разошлась, обнажая безупречную белизну плеч и груди. Лин Шу мелко вздрогнул от хлынувшей прохлады и слабо шепнул:

— Прекрати...

И попытался упереться ладонями в его грудь.

Ян Е перехватил его запястья. Почувствовав, как дрожат чужие пальцы, он взглянул Лин Шу в лицо и тихонько рассмеялся:

— Да ладно тебе, не впервой ведь. Что за стыдливость вдруг проснулась? На казнях да допросах ты у нас грозный палач, а как доходит до подлинного удовольствия — ломаешься как девица. Не бойся, я буду ласков. Эх, ну и характер у тебя...

Бессвязный шёпот растворился в горячем дыхании. Ян Е скользнул губами по чужой скуле и приник к самому уху:

— Помнишь ту ночь в дворце Сицзя? В этот раз только попробуй отключиться. Не смей портить такую ночь. Жизнь даётся один раз, и брать от неё нужно всё. Позволь себе почувствовать... Поймёшь наконец, каково это — жить по-настоящему.

Лин Шу повёл головой, тщетно пытаясь уклониться. Разум заволокло туманом, а в памяти яркой вспышкой воскресли безумные, сладостные воспоминания о ночи в Сицзя.

— И что в этом хорошего?.. — хрипло выдохнул он. — Вечно ты несёшь чушь...

Ян Е обжёг его шею горячим выдохом, от которого у Лин Шу сладко заныло внизу живота.

— Конечно хорошо. Но только если делать это правильно. Разве мы сможем сполна

насладиться друг другом в таком виде? Будь умницей, расстегни этот чёртов пояс сам. Он же только мешает. Не снимешь — я ведь изомну и порву твои одежды в клочья. В чём тогда из пещеры выходить будешь?

Шепча эти вкрадчивые, медовые уговоры, Ян Е мягко, но настойчиво направил руку Лин Шу к секретному замочку на нефритовом поясе.

Грудь Лин Шу вздымалась от волнения, мысли путались. Послушный чужой воле, он словно во сне повторял движения пальцев Ян Е. За пределами пещеры царил мрак; глухо шумели вековые сосны, убаюкивающе журчал горный ручей. Порывистый сквозняк ворвался внутрь, заставив пламя костра испуганно затрепетать. Холодное прикосновение воздуха на миг вернуло Лин Шу ясность ума. Он опустил взгляд и опешил: одежды ворохом лежали у его ног, а злополучный пояс... пояс он расстегнул собственными руками.

Ошеломлённый Лин Шу поднял глаза и встретил торжествующий, сияющий взгляд Ян Е. В неверных бликах костра его лицо казалось дьявольски красивым, черты — порочными и манящими. Нависая сверху, Ян Е медленно увлёк его за собой, укрывая собственной тенью. Земля ушла из-под ног. Лин Шу повалился навзничь, спиной на ворох сброшенной одежды. Каменистый пол под тканью оказался неровным и больно врезался в лопатки; Лин Шу прикрыл глаза и невольно поморщился.

Ян Е тут же нежно провёл пальцем по его лбу, разглаживая складку между бровей, и преданно прошептал:

— Не хмурься... Будь пайнкой, доверься мне. Позволь мне всё сделать самому... Я ведь целый год бредил тобой, Лин Шу...

С этими словами он прильнул губами к его груди, не в силах больше сдерживать лавину желаний.

Увлечённый этой бурей Лин Шу отдался на волю волн. Давно подавленное вожделение медленно пробуждалось, затапливая сознание горячим приливом. Но даже этот сладостный потоп не смог заглушить резкой, пронзительной боли внезапного вторжения. Из горла Лин Шу вырвался невольный вскрик; он судорожно выгнулся, намертво вцепившись пальцами в плечи любовника.

Ян Е мгновенно почувствовал эту судорогу. Он приподнялся, заглядывая Лин Шу в глаза с нежной, ласкающей улыбкой:

— Тише, тише... Потерпи, сейчас пройдёт. Я буду помедленнее... Только и ты полегче, не впивайся в меня так сильно.

Внимательно следя за малейшим изменением на его лице, Ян Е укротил свой неистовый напор, сменив его на неторопливые, глубокие и тягучие движения.

Сдерживать себя стоило Ян Е огромных трудов. От невыносимого напряжения по его вискам катился пот, крупные капли срывались вниз, падая на покрасневшее лицо Лин Шу. Тот выглядел растерянным и беззащитным: на его лице боролись мука и неземное блаженство, порывы оттолкнуть насильника и обречённая покорность. Эта трогательная борьба так забавляла Ян Е, что он, дотянувшись до какого-то лоскута одежды, бережно утёр влагу с чужого лба и шутливо продекламировал:

— Обливаясь жарким потом, пахарь трудится на пашне...

Эта пошлая, но уморительно уместная шутка заставила Лин Шу на миг позабыть о боли. Уголки его бледных, точно лепестки дикой вишни, губ дрогнули в мимолётной усмешке. Заметив этот слабый отклик, Ян Е просиял. Он тут же приник к его губам глубоким, влажным поцелуем, жадно сплетаясь языками и утопая в невыразимой сладости. Неистовое наслаждение захлестнуло их с головой. Границы реальности стёрлись, уступая место первобытному ритму двух сплетённых тел.

Ночь укрывала их безумие своим крылом, унося души в запредельные выси. Будучи на несколько лет моложе своего любовника, Ян Е обладал поистине неиссякаемым запасом сил и не знал удержу в своих аппетитах. Когда вконец обессиленный Лин Шу попытался слабо оттолкнуть его, Ян Е упрямо перехватил его лицо за подбородок и зашептал:

— Я ведь только о тебе и думал весь этот проклятый год! Даже смотреть ни на кого не мог, сидел на сухом пайке по твоей милости! Так что сегодня ты от меня так просто не отделаешься. Ну же, взбодрись!

И, не слушая возражений, он увлёк его в новый круг яростной, всепоглощающей страсти.

Порой он умел казаться ласковым, но чаще всего брал своё с истинно варварским напором. Лин Шу уже лишился последних сил, из его груди вырывались лишь тихие, прерывистые стоны:

— Хватит... Пусти...

Ян Е всё не хотел останавливаться, но, прикоснувшись губами к его лбу, ощутил ледяной пот. Встревожившись, он неохотно отстранился и с притворной досадой проворчал:

— Слабак. С тобой никогда не получается оторваться по-настоящему! Всего-то пара заходов, а ты уже помираешь!

Стоило Ян Е разжать объятия, как Лин Шу бессильно соскользнул с его плеча и мгновенно провалился в глубокий сон. Вздохнув, Ян Е устроился у стены. Оставшись в одном нижнем белье, он бережно укутал спящего своим тяжёлым верхним халатом.

За пределами пещеры небосвод мало-помалу светлел, окрашиваясь первыми лучами зари. Ян Е посмотрел на бледное лицо любовника и тихонько пробормотал под нос окончание стиха:

— Кто ведает, что в миске у него, до крошки куплено тяжелым потом... Эх, не обижайся на меня, радость моя. Мне ведь тоже сытный обед нелегко даётся!

Конечно, Лин Шу не слышал этих издёвок. Он лежал на подстилке из сухой травы, укутанный в тёплые одежды, свернувшись калачиком. Его голова покоилась на коленях Ян Е, и в эту минуту он казался удивительно кротким и беззащитным.

Ян Е, славно потрудившийся за ночь на этой «пашне», за время короткого отдыха успел полностью восстановить силы. Аккуратно переложив голову Лин Шу на траву, он выбрался наружу, набрал охапку спелой, сочной хурмы и быстро с ней расправился. Вернувшись, он прихватил ту самую нефритовую безделушку и принялся увлечённо её вертеть. Спустя пару часов упорного ковыряния секретный механизм наконец поддался.

Ян Е победно хохотнул:

— Терпение и труд всё перетрут! Ну держись, Лин Шу. Теперь этот твой пояс я смогу снимать за одно мгновение. А значит, и в постель укладывать тебя буду, когда только душа пожелает!

Его дурашливый смех разнёсся по пещере и разбудил Лин Шу. Тот несколько секунд непонимающе моргал, после чего поспешно отодвинулся подальше, укрывшись с головой одеждой и замер, не желая никого видеть.

Заметив это, Ян Е тут же подполз ближе и заворковал:

— Проснулся? Есть хочешь? Гляди, какую хурму я для тебя раздобыл. Сладкая, попробуй!

Лин Шу не двигался и не отвечал. Когда Ян Е попытался взять его за руку, он сухо отстранился. С трудом сев, он прислонился к холодному камню и уткнулся взглядом в колени.

Ян Е внимательно вгляделся в его бледное лицо и опущенные ресницы. Сменив весёлый тон на виноватый, он осторожно поинтересовался:

— Что случилось? Сильно... болит?

В ответ тишина. В пещере воцарилось неловкое молчание.

Обнаружив, что халат на нём висит кособоким ворохом, Лин Шу принялся молча и неторопливо приводить себя в порядок. В голове у него царил полнейший хаос. Он ведь отправлялся в путь с одной-единственной целью — лишить этого человека жизни. Так каким

же образом он оказался в этой глухой пещере, да ещё и провёл всю ночь в объятиях своей жертвы? Нелепость, не поддающаяся никакому здравому смыслу. Лин Шу не чувствовал стыда — лишь глухую, удушливую досаду от собственной слабости.

Ян Е, обладавший поразительным чутьём на чужие эмоции, мгновенно раскусил его состояние. Ясное дело: утренняя тоска после бурной ночи.

Он придвинулся вплотную к Лин Шу и зашептал ему на ухо:

— Тебе так неприятно быть со мной? Но ведь вчера нам обоим было хорошо, разве нет? Нельзя так со мной поступать, Лин Шу. Я тебе не игрушка, которую можно попользоваться и выбросить за ненадобностью.

Лин Шу помрачнел ещё сильнее и сквозь зубы процедил:

— Не строй из себя невинную овечку. Не я это затеял.

Ян Е лукаво сощурился, а на его губах заиграла привычная нагловатая улыбка:

— Неужели? А кто вчера так сладко вздыхал? Это ли не чистой воды соблазн? Моя воля крепка как скала, я могу устоять перед любой невзгодой... Но вот перед твоими чарами — увы, бессилен!

Лин Шу демонстративно проигнорировал эту бесстыдную тираду. Тогда Ян Е резко сбавил напор и заговорил ласково, умоляюще:

— Лин Шу... Не возвращайся в столицу. Останься со мной. Обещаю, я брошу всех своих прежних дружков и интрижки. Буду паинькой, глаз ни на кого не положу, клянусь!

Он состроил самые жалобные глаза и преданно уткнулся носом в чужую шею, усердно лащась. Поняв, что Лин Шу по-прежнему не поддаётся на уговоры, Ян Е решил обнаглеть окончательно:

— И вообще, зачем ты одеваешься? Всё равно ведь сейчас раздену!

Но сколько бы Ян Е ни ластился и ни капризничал, Лин Шу оставался глух к его речам. Он сидел с закрытыми глазами, восстанавливая дыхание и по крупницам собирая внутренние силы, — явно вознамерившись уйти, едва почувствует крепость в ногах.

Ян Е понаблюдав за ним какое-то время, а затем внезапно рванулся вперёд, опрокинул его навзничь и прижал к земле.

— Сбежать вздумал?! — свирепо оскалился он. — Ну уж нет! Сейчас я тебя так отделаю, что ты и пошевелиться не сможешь. Посмотрим тогда, как ты далеко уйдёшь!

<http://bllate.org/book/19546/1998836>